

БОЛЬШАЯ
КНИГА
УЖАСОВ

Елена Усачева

Дом Трех Смертей

Гость из царства мертвых

БОЛЬШАЯ
КНИГА
УЖАСОВ

73

Москва
2018

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У74

Оформление серии *Натальи Никоновой*

Усачева, Елена Александровна.

У74 Большая книга ужасов, 73. Дом Трех Смертей ;
Гость из царства мертвых. / Елена Усачева. — Москва :
Эксмо, 2018. — 384 с. — (Большая книга ужасов).

ISBN 978-5-699-97860-1

Не важно, верите ли вы в призраков, — главное, держитесь от них подальше! Герои этих историй встретились с призраками... и оказались в центре опасных и непредсказуемых событий. Ведь гости из царства мертвых редко приходят в наш мир с добрыми намерениями. В сборник вошли две повести; «Дом Трех Смертей» печатается впервые.

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Усачева Е., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-699-97860-1

Дом Трех Смертей

Глава I

Сумасшедшее Тарлу

Никиту обманули. Сказали, что летом он поедет в совершенно сумасшедшее место. Мама подчеркивала — су-ма-сшед-ше-е. И добавляла: «Как ты любишь».

Это было мамино слово — «сумасшедший». Она и Никиту так называла:

— Никитос, ты сумасшедший!

Потому что он любит забираться в заброшенные дома. Вы думаете, таких в городах не осталось? Что это только в деревнях да умирающих военных городках? Ха! Заброшенные дома есть везде. Никита составил карту своего района, где значками отмечал изученные заброшенности — где было интересно, а где обитают агрессивные бомжи. Впрочем, с бомжами всегда можно разойтись. Во второй половине дня они обычно выходят из убежищ, и вот тогда дом оказывается в твоём распоряжении.

— Тебе понравится в Тарлу, — уверяла мама. — Там есть заброшенный завод.

Никита был на покинутых заводах, в бывших ремонтных мастерских — ничего интересного. Огромные заводские цеха, гулкие и холодные, щер-

батый кирпич, крошки цемента под ногой. Каждый звук неприятным шуршанием расплзается по полу. От этого начинает казаться, что ты не один. Что здесь есть кто-то еще. Обитатель былых времен, например.

Старые дома, где еще сохранились вещи, — это совсем другое дело! В них можно найти давно умершие предметы — битые тарелки, древние журналы, застывшие, как мумии, пиджаки и пальто.

Короче, много уже где побывал. И всегда ему говорили, что это опасно. Опасность только притягивала! Он ходил в недостроенную больницу — бетонные стены, шершавые проемы окон, незаделанные швы плит на полу. Парни, с которыми он пошел, уверяли, что это самое проклятое место. Что многие приходившие сходили с ума и выбрасывались из верхних этажей в колодец между корпусами. Даже место показывали, куда обычно падают. Сверху пяточок чистого бетона выглядел зловеще. Все заросло травой и кустами, трудолюбивая зелень взорвала прочное покрытие, оставив нетронутым светлый участок асфальта. Словно кто-то специальным порошком посыпал — чтобы всегда было видно, куда приземляться.

В мистические истории и призраков покинутых мест не верилось. Если больница так сносила людям крышу, что все кончали со своей жизнью, — то кто об этом рассказывал? Откуда столько свидетелей?

Так что никакой мистики. Один обман.

Во всех заброшенных домах когда-то жили люди. Теперь живут в другом месте. Бывшие жиль-

цы оставили после себя вещи. Для них это было старое и ненужное, для Никиты — новое и интересное.

Мама обещала Никите новое.

— Поселок так и называется — Сумасшедшее Тарлу.

Никите бы сразу заподозрить недоброе. Мама никогда не одобряла его прогулок по заброшенностям. Пару лет назад ходила с ним, боясь, что ее мальчика обидят. Безропотно забиралась на подоконники, лезла в завалы. В их районе тогда ломали старые пятиэтажки, и Никита пропадал в чужой выкинутой жизни. Потом мамины нервы сдали. Она устроила пару скандалов и взяла с Никиты слово, что он никуда больше не полезет. Никита пообещал. Но как раз в это время закрыли детский сад в соседнем квартале и надо было торопиться, пока не заколотили окна на первом этаже.

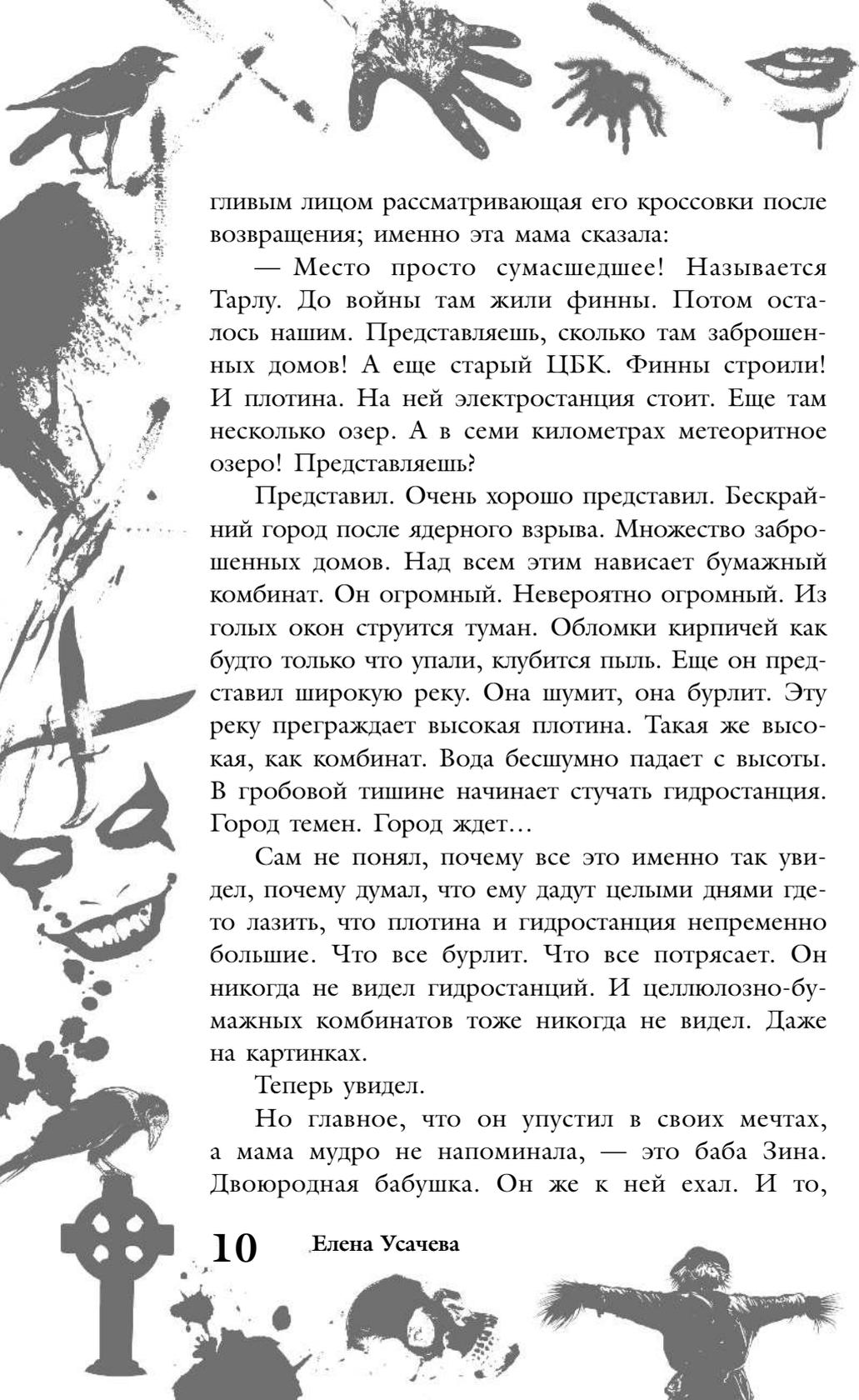
Это была самая счастливая неделя в его жизни.

Мама все узнала, опять его отругала, опять взяла с него слово. Никита пожал плечами, пообещал, что больше никогда... Смотрел в окно, прокручивал в голове план: в общежитии около метро в подвале сломан замок, и пока никто не знает...

А потом мама как-то вдруг поверила в Никиту. Молча стирала перепачканные джинсы, зашивала куртки. Сохранялось одно условие — тщательно мыться после таких вылазок.

И вот эта мама, недовольно поджимающая губы каждый раз, когда Никита говорит «Я все сделал, пойду поброжу по улице»; эта мама, с таким брез-

гливым лицом рассматривающая его кроссовки после возвращения; именно эта мама сказала:

— Место просто сумасшедшее! Называется Тарлу. До войны там жили финны. Потом осталось нашим. Представляешь, сколько там заброшенных домов! А еще старый ЦБК. Финны строили! И плотина. На ней электростанция стоит. Еще там несколько озер. А в семи километрах метеоритное озеро! Представляешь?

Представил. Очень хорошо представил. Бескрайний город после ядерного взрыва. Множество заброшенных домов. Над всем этим нависает бумажный комбинат. Он огромный. Невероятно огромный. Из голых окон струится туман. Обломки кирпичей как будто только что упали, клубится пыль. Еще он представил широкую реку. Она шумит, она бурлит. Эту реку преграждает высокая плотина. Такая же высокая, как комбинат. Вода бесшумно падает с высоты. В гробовой тишине начинает стучать гидростанция. Город темен. Город ждет...

Сам не понял, почему все это именно так увидел, почему думал, что ему дадут целыми днями где-то лазить, что плотина и гидростанция непременно большие. Что все бурлит. Что все потрясает. Он никогда не видел гидростанций. И целлюлозно-бумажных комбинатов тоже никогда не видел. Даже на картинках.

Теперь увидел.

Но главное, что он упустил в своих мечтах, а мама мудро не напоминала, — это баба Зина. Двоюродная бабушка. Он же к ней ехал. И то,

что он не включал ее в свои планы, было большой ошибкой.

О том, что у него есть двоюродная баба Зина, говорилось постоянно. В основном из-за ее мужа. И обязательно добавлялось, что они «су-ма-сшед-ши-е».

Дядя Толя был родом из Ленинграда, отучился там на школьного историка, по распределению попал в Казахстан. Позвал с собой невесту, бабу Зину. Она поехала.

— Вы представляете? В дикие края! К монголам! — неизменно разбавляла свой рассказ комментариями какая-нибудь родственница.

Почему к монголам, если в Казахстане живут казахи, Никита не спрашивал. Из Казахстана молодая семья уехала на Камчатку. Тогда жителям Дальнего Востока платили большие деньги. С Камчатки несколько лет назад они вернулись в Питер, а оттуда поехали в Тарлу. Хотели остаться в Сортавале, но там не нашлось места учителя. А в Тарлу было. И для дяди Толи, и для бабы Зины. Комбинат в поселке работал всюду, что делало Тарлу самым богатым районом Карелии. Но вот комбинат закрыли, взрослые разъехались, детей в школе стало мало. К этому времени сын дяди Толи и бабы Зины отучился в летной школе Люфтганза и уехал жить в Германию.

— Су-ма-сшед-ши-е... — вздыхала мама.

Про бабу Зину вспомнили после похорон родной бабушки Никиты. Тогда Никита впервые и увидел родственников, о которых шли такие веселые

разговоры. Дядя Толя был высокий, крупный, с седой головой, с маленькими торчащими усиками. Из-за роста казалось, что он чуть надменно смотрит на всех сверху вниз. Улыбки его были снисходительными. А баба Зина была невысокой, черноволосой, полной и очень улыбчивой. Говорила она быстро, успевая одновременно делать множество вещей. Это Никиту с его спокойной мамой тогда сильно удивило.

Бабу Зину с дядей Толей в своих мыслях о лете и постапокалиптических фантазиях Никита не учел. А ведь ехал именно к ним. Баба Зина настояла. Прямо-таки зазывала в гости, рассказывала о красотах края, о том, какая малина там растет, какая картошка вкусная, какое озеро замечательное. А ребята? Какие там ребята! Чистый воздух, тишина, птички. Еще развалины, да, развалины. Это уже добавляла мама, которая вдруг решила с подружкой ехать в пансионат:

— Представляешь, как все удачно складывается?

Никита не представлял, но согласился поехать. Тем более развалины... Поездом до Петрозаводска, оттуда автобусом до Сортавалы, а потом на такси.

— Извини, старик, встретить не сможем, — гудел в телефонную трубку дядя Толя, кидая внуку странное обращение. — Но мы ждем. С нетерпением! Возьми такси. Или на автобусе до Питкяранты, попроси высадить на повороте. Там пять километров всего по грунтовке пройти. Извини еще раз. Мы очень ждем! Все готово. Твой приезд — это замечательно!

Никита посмотрел на свой рюкзак — не то чтобы большой, но все же рюкзак — и решил, что так-си проще.

Машина бодро пробежала расстояние до того самого поворота, откуда было «пять километров всего по грунтовке».

— А тут ездят? — с сомнением спросил водитель, парень с худой шеей и оттопыренными ушами.

— Ездят, — уверенно соврал Никита.

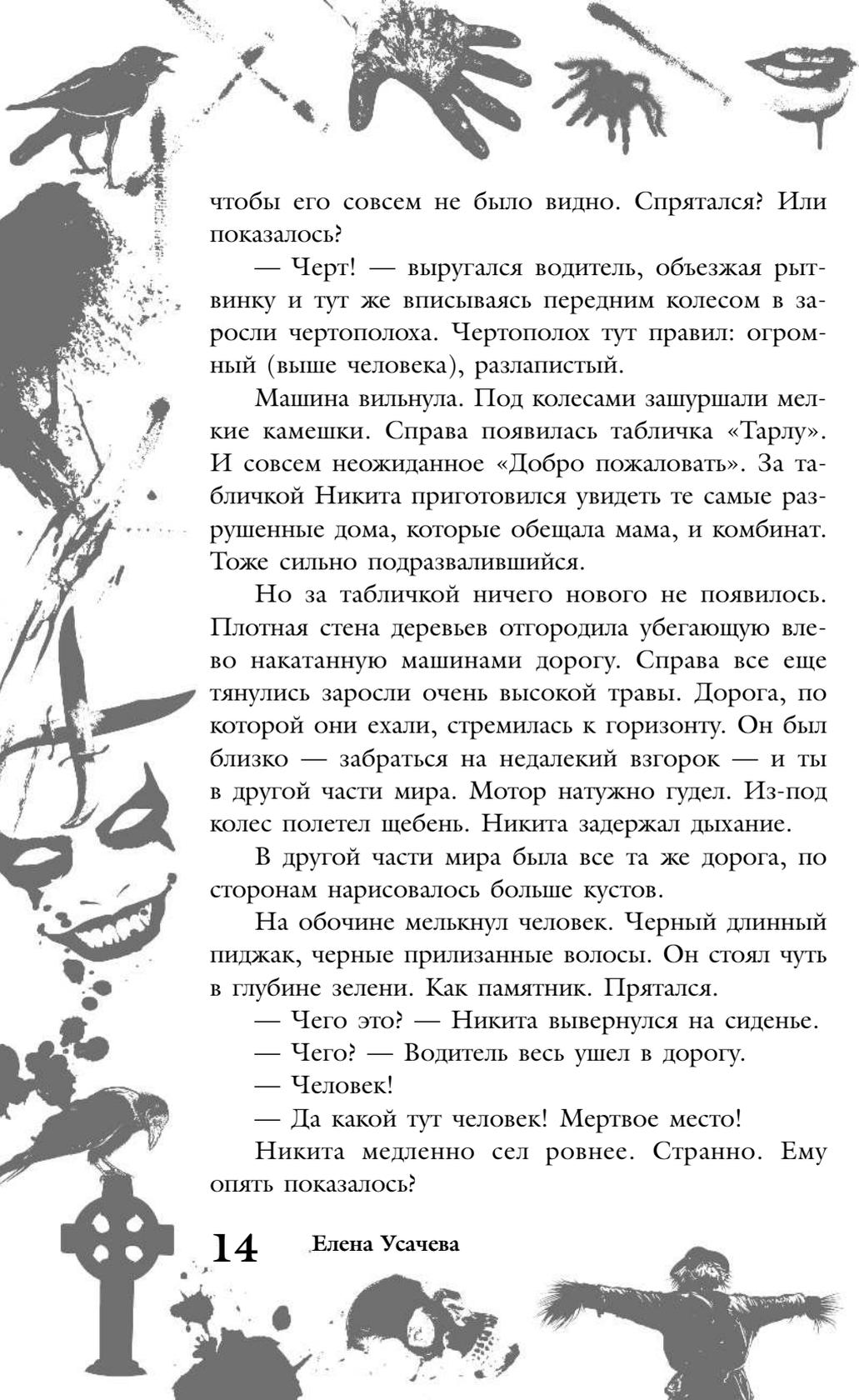
А может, не соврал. Откуда он знает, ездят тут или нет. Дорога выглядела приличной. Широкая. Похоже, недавно по ней прошлись грейдером. Было странно, что водитель спрашивает. Он же сам видит — все нормально. Или нет? Может, там какие провалы? Или зыбучие пески: наедешь колесом — и через минуту от машины ничего не останется, только след будет тянуться от поворота.

Никита сморгнул. Сыпучие пески в Карелии... Скорее сыпучий гранит. Его здесь много.

Машина мягко перевалила через откос и покатила вниз. Слева и справа тянулись поля, заросшие высокой травой. Изредка то тут, то там среди поля появлялись деревья — елки и что-то лиственное. Вдалеке около дерева стоял человек. Именно стоял, не шел. Прирос к месту и на дорогу смотрит. Никита обернулся на водителя, но тот старательно тянул шею, чтобы из-за руля лучше видеть дорогу — что-то он в ней все-таки подозревал.

Никита вздрогнул, когда понял, что, оглянувшись, не видит стоящего человека. Он не мог уйти,

чтобы его совсем не было видно. Спрятался? Или показалось?

— Черт! — выругался водитель, объезжая рытвинку и тут же вписываясь передним колесом в заросли чертополоха. Чертополох тут правил: огромный (выше человека), разлапистый.

Машина вильнула. Под колесами зашуршали мелкие камешки. Справа появилась табличка «Тарлу». И совсем неожиданное «Добро пожаловать». За табличкой Никита приготовился увидеть те самые разрушенные дома, которые обещала мама, и комбинат. Тоже сильно подразвалившийся.

Но за табличкой ничего нового не появилось. Плотная стена деревьев отгородила убегающую влево накатанную машинами дорогу. Справа все еще тянулись заросли очень высокой травы. Дорога, по которой они ехали, стремилась к горизонту. Он был близко — забраться на недалекий взгорок — и ты в другой части мира. Мотор натужно гудел. Из-под колес полетел щебень. Никита задержал дыхание.

В другой части мира была все та же дорога, по сторонам нарисовалось больше кустов.

На обочине мелькнул человек. Черный длинный пиджак, черные прилизанные волосы. Он стоял чуть в глубине зелени. Как памятник. Прятался.

— Чего это? — Никита вывернулся на сиденье.

— Чего? — Водитель весь ушел в дорогу.

— Человек!

— Да какой тут человек! Мертвое место!

Никита медленно сел ровнее. Странно. Ему опять показалось?

Он резко обернулся, но они уже уехали далеко, за деревьями ничего не видно.

Водитель крепче взялся за руль. Ему тоже что-то кажется? Куда они едут? Что это за дыра?

Дорога вильнула. Справа непроходимая чаща кустов. И то ли из-за того, что Никита начинал злиться, то ли из-за того, что и кусты, и высокая трава ему надоели, он не сразу разглядел среди зелени крышу дома. А когда заметил, то увидел и сам дом — двухэтажный, деревянный, вход по центру, два крыла в три окна.

Вот и сумасшедшее Тарлу началось. Дорога стала ухабистой, появился разбитый асфальт.

Теперь дома выступили уже и слева. Деревянные двухэтажные коробки, темные от времени, даже как будто немного покосившиеся. От водоразборной колонки тетка несла ведра.

Вот это да! Вода из колонки! Заметил, что рядом на крючке висит зеленая кружка. Проплыло еще два таких же двухэтажных монстра. А дальше провал, как выбитый зуб: курились обуглившиеся балки, нелепо торчали высокие, на два этажа, печи.

Никита ничего не успел сообразить.

— О! Недавно горело, — обрадовался водитель. — Еще до конца не раскидали.

— Что? — не понял Никита.

— Барак.

Никита выкрутил шею, чтобы увидеть то, что называется таким странным словом. Так вот что это за деревянные дома. Это бараки. Он их по-другому представлял. Думал... думал... что они на землянки похожи.

